

**СВИДЕТЕЛИ
РЕВОЛЮЦИИ**

**АЛЕКСАНДР
КЕРЕНСКИЙ**

**РОССИЯ
В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ
ПОТЯСЕНИЙ**

Свидетели революции

Александр Керенский
**Россия в эпоху
великих потрясений**

«Алисторус»

2017

УДК 355/359
ББК 63.3

Керенский А. Ф.

Россия в эпоху великих потрясений / А. Ф. Керенский —
«Алисторус», 2017 — (Свидетели революции)

ISBN 978-5-906979-12-4

Александр Федорович Керенский – видный общественный деятель России и один из лидеров российского масонства в начале XX века. В 1917 году Керенский стал министром, а затем председателем Временного правительства – именно оно было свергнуто большевиками в результате Октябрьского переворота. В своей книге А. Ф. Керенский рассказывает о событиях, происходящих в России с конца XIX века по 1919 год. Несмотря на определенный субъективный подход, мемуары Керенского являются уникальным свидетельством политической и общественной жизни страны в эпоху «великих потрясений» и, главное, позволяют понять, почему в России произошли Февральская и Октябрьская революции: кто за ними стоял, каковы были причины прихода к власти сначала либералов, а вслед за ними – большевиков.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-906979-12-4

© Керенский А. Ф., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Автобиография	6
Вступление	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Федорович Керенский

Россия в эпоху великих потрясений

© Керенский А. Ф., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Автобиография

Я родился 22 апреля 1881 года в Симбирске. Этот город расположен в среднем течении Волги и был центром во всех отношениях наиболее отсталой губернии России в правление Александра III. По ее территории не проходила ни одна железная дорога. В период навигации по Волге курсировали пароходы, но в бесконечно долгий зимний сезон связь с внешним миром осуществлялась только на лошадях по замерзшим просторам Волги.

Город был построен в 1648 году на одном из холмов высокого берега реки. На самом верху холма разместились кафедральный собор, губернаторский дворец, гимназия, женский монастырь и публичная библиотека. По его склону до самого берега шли великолепные яблоневые и вишневые сады. Весной деревья покрывались благоухающими белыми цветами, по ночам сады оглушались соловьиными трелями. Туда же, к берегу Волги, спускался уступами парк с тремя аллеями, а через реку открывалась величественная панорама бескрайних луговых просторов. Каждый год, когда начинал таять снег, река выходила из берегов и затопляла левобережные низины, разливаясь словно бескрайнее море. А в разгар лета над лугами неслись песни крестьян, косивших траву и складывавших ее в высокие стога, а также веселый шум пикников горожан. Вокруг всего города по крутым берегам Волги раскинулись дворянские поместья.

В политической жизни города как в миниатюре отражались настроения и эмоции, сотрясавшие страну. Ибо хотя Симбирск был главным образом городом консервативных земледельцев, враждебно настроенных к либеральным реформам Александра II, определенную роль в его жизни играла и немногочисленная элита, состоявшая из учителей, врачей, судей и адвокатов, которые горячо поддерживали эти реформы и ратовали за осуществление в повседневной жизни города новых, либеральных идей. На нижней ступени социальной иерархической лестницы стояла третья группа – радикалы, или «нигилисты», как называла молодых революционеров-смутьянов консервативная верхушка.

Симбирск напомнил о себе Санкт-Петербургу весьма неприятным образом, когда был раскрыт заговор с целью убийства Александра III. Осуществить заговор предполагалось 1 марта 1887 года, и одним из заговорщиков был сын директора симбирского департамента народных училищ и брат Владимира Ульянова (Ленина). Вот каким образом судьба нашего захолустного городка, до которого не дошла еще железная дорога и куда нерегулярно поступала почта, переплелась с судьбой могущественной империи.

И хотя Александр Ульянов был связан с моей жизнью лишь косвенно, в детском воображении он оставил неизгладимый след не как личность, а как некая зловещая угроза. При одном упоминании его имени в моем сознании сразу же возникала картина мчащаяся по ночному городу таинственной кареты с опущенными зелеными шторками, которая по мановению могущественной руки отца Сони увозит людей в неизвестность. Соня – маленькая девочка, которую иногда приводили к нам на танцевальные занятия, а отец ее занимал пост главы жандармского управления Симбирской губернии. Раскрытие в Санкт-Петербурге тайного заговора и арест сына видного симбирского чиновника послужили основанием для арестов в городе, которые, как правило, проводились по ночам. Тревожные разговоры взрослых об этих ужасных событиях проникли в нашу детскую, а тесные отношения нашей семьи с семьей Ульяновых привели к тому, что мы скоро узнали о казни их высокоодаренного сына. Таким было мое первое соприкосновение с революционным движением.

Отец мой, Федор Михайлович Керенский, занимал в то время пост директора мужской гимназии и средней школы для девочек. Карьера его сложилась отнюдь не ординарно. Он родился в 1842 году в семье бедного приходского священника Керенского уезда Пензенской губернии. В те дни духовенство было самостоятельным сословием, отличавшимся своими

вековыми традициями и обычаями. Дети священнослужителей даже посещали особые школы. Именно такую школу окончил мой отец, поступив затем в Пензенскую духовную семинарию. После революции 1848 года в Западной Европе доступ в университеты в России был закрыт для всех, кроме дворян, однако в правление Александра II эта социальная дискриминация была упразднена, и поэтому со временем отец смог осуществить свою заветную мечту о поступлении в университет. А до этого нужда заставила его стать учителем в приходской школе, но когда в результате изнурительного труда он сумел накопить достаточно денег, то поступил в Казанский университет, считавшийся одним из лучших в России. Подобно многим из своих собратьев, которым предстояло посвятить себя церкви, он не чувствовал подлинного призвания к этому поприщу и вместо того, чтобы пойти по стопам, отца, всем сердцем отдался изучению истории и классической филологии. Его замечательный педагогический талант был по достоинству оценен и вознагражден. В возрасте 30 лет он получил назначение на пост инспектора средней школы, а в 37 лет стал директором школы в Вятке. Двумя годами позже он возглавил мужскую гимназию и среднюю школу для девочек в Симбирске.

Родители мои познакомились в Казани, где отец занялся преподавательской деятельностью сразу же по окончании университета. Моя мать была одной из его учениц. Она была дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа, а по материнской линии – внучкой крепостного крестьянина, который, выкупившись на свободу, сделался в Москве процветающим купцом. От него мать унаследовала значительное состояние.

* * *

Ранние годы предстают в моем сознании в виде идиллических картинок домашней жизни. Длинный коридор делил наш дом на двое – на мир взрослых и мир детей. Воспитанием двух старших сестер, которые посещали среднюю школу, занималась гувернантка-француженка. Младшие же дети были отданы на попечение няни, Екатерины Сергеевны Сучковой. В детстве она была крепостной и не научилась грамоте. Обязанности ее были такими же, как и у всякой няни: она будила нас утром, одевала, кормила, водила на прогулку, играла с нами. По вечерам, готовя нас ко сну, она с особым тщанием проверяла, расстегнуты ли воротнички наших длинных ночных рубашонок, чтобы легче было, как она говорила, «выпустить злых духов». Перед сном она рассказывала нам какую-нибудь сказку, а когда мы подросли, вспоминала порой дни своего крепостного детства. Она и жила с нами в нашей просторной детской. Ее угол был любовно украшен иконами, и поздними вечерами слабый свет лампадки, которую она всегда зажигала, отражался на аскетических ликах особенно почитаемых ею святых. Зимой она ложилась спать вместе с нами, и тогда сквозь смежающиеся веки я видел, как она истово молилась, преклонив колена перед иконами. В ней не было ничего особо примечательного: ни острого ума, ни глубокой мудрости. И все же для нас, детей, она была абсолютно всем.

В наших повседневных детских занятиях и играх мать была значительно ближе к нам, чем отец. Отец никогда не вмешивался в жизнь нашей детской. В сознании нашем он стоял где-то в стороне, как высшее существо, к которому няня и мать обращались лишь в минуту крайней необходимости. Обычно стоило произнести всего одну угрозу: «Вот подожди, отец проучит тебя!» – и все становилось на свои места, хотя отец никогда не прибегал к физическим наказаниям и ограничивался лишь разговором, стараясь растолковать нам суть дурного поступка. Мама любила посидеть с нами за утренним завтраком, когда мы пили молоко. Она интересовалась всеми нашими делами и при необходимости мягко журила за тот или иной проступок. Вечерами она заходила в детскую, чтобы перед сном перекрестить нас, поцеловать и пожелать доброй ночи. С раннего детства мы всегда молились по утрам и перед сном.

После утренней прогулки с няней мама часто звала нас в свою комнату. Повторять приглашение дважды никогда не требовалось. Мы знали, что мать будет читать нам или рассказы-

вать разные истории, а мы будем слушать, уютно примостившись у ее колен. Она читала не только сказки, но и стихи, сказания о русских героях, а также книги по русской истории. Эти утренние чтения приучили нас не только слушать, но и самим читать. Не помню, когда мать начала читать нам Евангелие. Да и чтение эти не носили характера религиозного воспитания, поскольку мать никогда не стремилась вбивать в наши головы религиозные догмы. Она просто читала и рассказывала нам о жизни и заповедях Иисуса Христа.

Практическую же сторону христианства мы узнали от няни. Никогда не забуду, например, одного из чудесных весенних дней, когда мы вышли на обычную утреннюю прогулку. После долгой, суровой зимы по Волге пошли первые пароходы. В тот день по улицам города из местной тюрьмы к речному причалу вели партию заключенных, приговоренных к ссылке в Сибирь. Вслед за скорбной колонной, окруженной конвоем из солдат, двигался фургон, набитый женщинами и детьми. Когда мы с братом увидели наполовину сбритые головы осужденных, услышали звон их кандалов, мы в ужасе бросились бежать. «Вы куда? Неужто вы и в самом деле боитесь, что они обидят вас? – закричала нам вслед няня. – Лучше пожалейте этих несчастных. Нам ли судить и осуждать? Ради Христа, будем добры к ним». И, повернувшись ко мне, добавила: «Ну-ка, Саша, вот я сейчас куплю калач, а ты пойдешь к солдату, тому, что впереди, и попроси, чтоб разрешил отдать калач несчастным. И радость придет не только к ним, но и к тебе». Такой практический урок христианства преподала нам няня на примере современной жизни. А когда мы с братом Федей затевали драку, она стыдила нас обоих, приговаривая: «Ах вы, маленькие злыдни! Христос повелевает нам прощать друг друга, так-то вы выполняете его завет!»

С чувством глубокого удовлетворения возвращаюсь я мыслями к детству, проведенному в России, в стране, где повседневную жизнь питают религиозные верования, укоренившиеся в народе за тысячелетие существования христианства.

Мы с братом Федей очень любили религиозные праздники. Но особенно запомнилась мне торжественная служба, когда совершалось святое причастие детей и нас с братом, одетых в белые курточки с красными галстучками под белыми стоячими воротничками, подвели к батюшке. Позади нас стояли рядами старшие ученики в аккуратных форменных синих костюмах с серебряными пуговицами, и среди них, должно быть, стоял и примерный ученик Владимир Ульянов. Не забыть мне и того мгновения, когда я, потрясенный, впервые увидел изображение распятого Христа, словно прозрачного в падающих на него лучах света, и при этом совсем живого. Мальчиком Владимир Ульянов тоже, наверно, смотрел на это распятие и, быть может, в душе посмеивался, сохраняя благочестивое выражение лица, – если, конечно, верить его собственному рассказу о том, как он в четырнадцать лет выбросил в мусорное ведро свой натальный крест.

Что касается меня, то в моих чувствах никогда не было двойственности, в детстве я был глубоко религиозен. Я до сих пор помню старого протоиерея нашего кафедрального собора, который приходил по воскресеньям к нам на чай и давал мне читать популярные религиозные брошюры с толкованием важнейших религиозных праздников. Эти ранние впечатления, образ замечательного человека, пожертвовавшего своей жизнью ради блага других и проповедовавшего лишь одно – любовь, – стали источником моей юношеской веры, которая впоследствии воплотилась у меня в идею личного самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился и революционный пафос – и мой, и многих молодых людей того времени. Конечно, в религиозной вере была и другая сторона, официальная, казенная сущность которой выражал Священный синод – бездушный бюрократический институт. Своей борьбой с инакомыслием, своим бездушным отношением к нуждам людей он лишь укреплял позиции атеизма. Но в детские годы мы ничего не знали об этой стороне церкви.

* * *

В начале 1889 года мы узнали о том, что нам предстоит навсегда покинуть Симбирск и перебраться в далекий Ташкент – столицу Туркестана. Мы отродясь не слышали о Ташкенте, и потому весть о переезде нас крайне взволновала. Нам сказали, что вначале мы поплывем вниз по Волге, затем пересядем на другой пароход и поплывем по Каспийскому морю, на другой стороне моря сядем в поезд, а напоследок поедем конным экипажем. У меня остались самые смутные воспоминания об Астрахани и о пароходе «Каспиец», на который мы пересели после плавания по Волге. Не помню сколько времени мы добирались до форта Александровска на северо-восточном побережье Каспия, где пароход сделал краткую остановку. Однажды утром мы услышали: «Ну вот, дети, мы и приехали». Наскоро одевшись, мы выскочили на палубу. Там уже столпились все пассажиры, с нетерпением всматривавшиеся в берег той земли, которая была целью нашего путешествия. И наконец нашим взорам открылась полоса бурой бесплодной земли и смутные очертания далеких гор. Вдоль берега там и сям стояли маленькие домишки и огромные складские помещения. Пароход отдал якоря, и мы высадились в Узун-Ада, захудалом городке, единственном в то время порту вдоль всего транскаспийского пути. И если на море мы мучились от нещадного солнца, то здесь нам показалось, что мы попали в раскаленную, пышущую жаром печь, – и никаких надежд на лучшее. До самого горизонта простирались выжженные солнцем пески. Через пустыню от Узун-Ада до Самарканда шла, минуя несколько оазисов, железнодорожная одноколейка. (В те времена она считалась великим достижением военного и гражданского инженерного искусства.)

После перегрузки с парохода на поезд наших бесчисленных сундуков и корзин мы, дети, отправились в первое в нашей жизни путешествие по железной дороге. Из многочисленных впечатлений особенно запомнилось одно – переправа по деревянному мосту через Амударью (в древности Оксус). Река в этом месте отличалась особенно сильным течением, и длинный мост содрогался и раскачивался от мощных ударов стремительно катившихся вод. Поезд тащился со скоростью черепахи. Вдоль всего моста стояли баки с водой на случай возможного пожара, а рядом с поездом вышагивал часовой, бдительно следя за вылетающими из паровоза искрами.

Железнодорожный путь обрывался, достигнув Самарканда. После тихой благодати родных волжских берегов затененные деревьями улицы, восточный город с его удивительными мозаиками XV века и древними мечетями были столь же необычны, сколь и зловещие пески безжизненной закаспийской пустыни. Проведя в Самарканде три дня, мы отправились конными экипажами в Ташкент. И еще через три дня подъехали к красивому дому, стоявшему на пересечении двух широких улиц. Здесь, в этом доме в Ташкенте, мне предстояло провести школьные годы с 1890 по 1899 и войти в новую социальную среду; совершенно непохожую на ту, что была характерна для европейской России.

В отличие от Симбирска, расположенного на холме, с которого открывался захватывающий дух вид на безбрежные просторы Волги, Ташкент стоял на плоской равнине; вдали призрачно белели покрытые снежными шапками вершины Памира. Улицы города являли причудливое сочетание Европы и Азии. Как и Самарканд, Ташкент делился на два непохожих, но тесно связанных между собой города. Новый город, возникший после захвата Ташкента русскими войсками в 1865 году, представлял собой один огромный сад. Он был распланирован с большим размахом, и особую прелесть его широким улицам придавали тополя и акации. В буйной зелени деревьев и кустов прятались большие и маленькие дома. Старый город, построенный много веков назад, где проживало около ста тысяч мусульман, состоял сплошь из лабиринта узеньких улочек и проулков. Высокие глинобитные стены домов без единого окна скрывали от любопытного взора все, что происходило внутри. Сердцем старого города, средоточием его торговой и общественной жизни, был огромный крытый базар.

В свои девять мальчишеских лет я конечно же не мог разобраться в тонкостях политической и общественной жизни Ташкента, как и всего Туркестана. В отличие от Симбирска, в Туркестане не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказавшая на его развитии и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, направленной на сохранение неграмотности в сельской местности, пагубных запретов детям «низшего сословия» посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций. Туркестан находился так далеко, что до него не дотягивались руки реакционных чиновников, стремившихся превратить империю с населявшими ее многочисленными народами в Московское царство.

* * *

Как я уже говорил, Ташкент был завоеван в 1865 году и превращен в столицу Туркестана. А в 1867 году первым генерал-губернатором недавно захваченной страны был назначен герой кавказских войн генерал К. Р. Кауфман. Выдающийся администратор, он вошел в историю Туркестана (умер генерал Кауфман в 1882 году) как преобразователь новых земель. В этой своей деятельности он руководствовался положениями Устава об управлении Туркестаном, разработанного Александром II. Устав этот делает честь наиболее просвещенным годам правления Александра II, когда в России проводились преобразования, соответствующие высоким идеалам свободы личности и равенства.

Центрально-Азиатская часть Российской империи простиралась от восточного берега Каспийского моря до границ с Персией, Китаем и Афганистаном. Достигнув своих естественных рубежей, Россия прекратила курс «Дранг нах Остен». Созидательная энергия русских людей была направлена теперь на культурное и экономическое развитие этих отдаленных районов, на приобщение их к цивилизации.

С подозрением наблюдала за продвижением России в глубь Азии Англия. Исторические традиции ломаются нелегко; прошло много лет после того, как Россия захватила свою часть Центральной Азии, а Великобритания по-прежнему видела в ней враждебного соперника. Да и русские не очень-то были склонны проявлять доверие к Англии. Продвижение в 80-х годах русских войск к Кушке, на границе с Афганистаном, чуть не привело к англо-русской войне. Я помню с тех школьных лет, какую тревогу в военных кругах Ташкента вызывал лорд Керзон, тревогу, которая рассеялась лишь тогда, когда англо-русская комиссия окончательно установила демаркационную линию в Памире.

На Западе широко принято считать, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся великую цивилизацию Центральной Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Мы приехали в Туркестан спустя всего шесть лет после экспедиции умиротворения, проведенной генералом М. Д. Скобелевым в туркменском оазисе Геок-Тепе (1881 год), и всего 24 года спустя после захвата самого Ташкента. Тем не менее, собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в «оккупированной» стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России.

На деле та готовность, с какой русские пришельцы сходились с местным населением, снискав их уважение и дружбу, была просто удивительна. Жизнь русских людей протекала одинаково мирно повсюду, будь то в Самаре на Волге или поблизости от могилы Тамерлана. Когда мы жили в Ташкенте, отцу не раз приходилось совершать служебные поездки – в качестве инспектора учебных заведений он побывал в самых отдаленных районах Туркестана. Единственным его оружием в этих поездках была трость. За 20 лет пребывания на Востоке он объ-

ехал весь Туркестан большей частью в дорожной карете, ни единого раза не столкнувшись с неприятностями в общении с местным населением.

Успех русской колониальной политики в Азии зиждился на терпимости к местному образу жизни. Конечно, случалось, в Туркестане, как и в любой другой губернии Центральной России, служили чересчур ретивые и малообразованные чиновники; порой совершались отдельные попытки вмешательства в религиозные обычаи и национальные традиции. Но с самого начала населению было ясно, что все эти случаи лишь исключение из правил. Русские города росли и процветали бок о бок с местными поселениями. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения открывались русские Школы, которые были доступны всем, без каких-либо ограничений по религиозному или национальному признакам. Местная судебная система, основанная на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России. Строительство железных дорог, открытие банков и промышленных предприятий, развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, возведение ирригационных сооружений – все это, несомненно, произвело благоприятное впечатление на мусульманское население. Туркестан, некогда страна с замечательной, а ныне исчезнувшей цивилизацией, за 30 лет русского господства вступил на путь возрождения и процветания.

* * *

Моя жизнь в Ташкенте, как и прежде беззаботная, стала тем не менее более разнообразной и интересной. Произошли изменения в семье. Разрушились барьеры между взрослыми и детьми. Утратила былую власть над нами наша няня. Мы, младшие дети, стали участвовать в жизни родителей и старших сестер. Место французской гувернантки заняла русская девушка, которая была для сестер скорее подругой, чем воспитательницей. Моя комната соседствовала с кабинетом отца, где он проводил почти все время. Он редко ходил на службу, потому что работал, принимал своих коллег и посетителей на дому. Со временем отец стал играть все более существенную роль в моей жизни. Даже его шаги в кабинете действовали на меня успокаивающим образом, и я с нетерпением ждал часа, когда он войдет ко мне и начнет проверять домашние задания.

Он проявлял большой интерес к моим сочинениям, обсуждал со мной проблемы истории и литературы, требовал четкости и краткости в изложении мысли, часто повторяя свое любимое изречение *Non multa sed multum*, которое в вольном переводе означает «Меньше слов, больше мыслей». Я стал чаще прислушиваться к разговорам взрослых. Нередко присутствовал и при беседах отца с другими высокопоставленными чиновниками, когда обсуждались весьма важные вопросы. Рассматривая ту или иную проблему, они всегда исходили из интересов, стоящих перед государственной властью или страной в целом. Государственная власть представлялась им неким живым существом, удовлетворение потребностей которого было для них превыше всего.

Отец часто упоминал Сергея Юльевича Витте, к которому относился с восхищением. Витте был честным, преданным государству политическим деятелем, обладавшим широким кругозором, но ему было крайне трудно отстаивать свои взгляды перед реакционными чиновниками Санкт-Петербурга. Однажды во время пребывания в Ташкенте Витте посетил отца. Его сердечность и учтивость позволили отцу сказать позднее: «Если бы все вельможи Санкт-Петербурга походили на Витте, Россия была бы совсем другой страной».

Еще одно событие сыграло немаловажную роль в становлении моего мышления. После заключения франко-русского союза (1892 год) Лев Толстой выступил с открытым письмом, в котором выразил по этому поводу свое негодование. Для него, как и для всех прогрессивно

настроенных граждан России, союз республики и самодержавия представлял грубое нарушение принципов справедливости и свободы.

Этот яркий памфлет, серьезнейшее обвинение Александра III, не мог быть опубликован в России. Но, размноженный на мимеографе, он в тысячах копий ходил по стране; одна из них дошла до Ташкента. Из обрывков разговоров за обеденным столом и разного рода намеков я сделал вывод, что после обеда родители намерены познакомиться с памфлетом Толстого. По установившемуся порядку, час после обеда они проводили в комнате матери, обсуждая события дня или читая друг другу какую-нибудь книгу. Нам же, детям, надлежало отправиться в свои комнаты. Однако мне удалось незаметно проскользнуть обратно и спрятаться за портьерой.

Затаив дыхание, слушал я толстовские обвинительные слова, каждое словно острие бритвы. Я не слышал, что потом говорили родители, поскольку постарался покинуть свое убежище, едва закончилось чтение. Тем не менее волнение, звучавшее в голосе отца, и некоторые из его замечаний по ходу чтения позволили мне сделать вывод, что он в какой-то степени разделяет мнение Толстого. Я был еще слишком молод, чтобы полностью разобраться в сути его обвинений, однако мне стало ясно, что Россия страдает тяжким недугом.

И все же моим монархическим взглядам и юношескому обожанию царя все услышанное не нанесло ни малейшего ущерба. 20 октября 1894 года, в день смерти Александра III, я долго заливался горячими слезами, читая официальный некролог, воздававший должное его служению на благо Европы и нашей страны. Я истово молился, выстаивая все зауспокойные службы по случаю кончины царя, и усердно собирал в классе деньги с учеников на венки в память царя.

Взрослые, однако, не выказывали особых признаков скорби. Они были преисполнены надежд на то, что новый царь, молодой Николай II, сделает решительные шаги по пути дарования народу конституции. Но Николай с презрением отверг саму идею, назвав ее «бессмысленными мечтаниями».

* * *

Не буду подробно останавливаться на школьных годах, проведенных в Ташкенте. Летом 1899 года я завершил подготовку к отъезду в Санкт-Петербург. Со мной ехала сестра Анна, которая намеревалась поступить в консерваторию, и мы оба предвкушали радость от предстоящей студенческой жизни, хотя и слышали об университетских беспорядках, ставших в столице повседневностью. О студенческих волнениях весны 1890 года нам рассказала сестра Елена, которая вернулась из Санкт-Петербурга, где посещала только что открывшийся Женский медицинский институт. Все это крайне встревожило родителей, но ничуть не обеспокоило ни Нюту (Анну), ни меня. Еленины рассказы лишь усилили наше страстное желание поскорее добраться до Санкт-Петербурга.

Ко времени моего поступления в Петербургский университет студенческие волнения закончились, однако их отголоски служили для нас источником самых разных развлечений. С особым удовольствием бойкотировали мы лекции тех профессоров, которые заменили преподавателей, уволенных в предыдущий академический год за симпатии к бастующим студентам. Много неприятностей, как мне помнится, мы доставили, к нашему вящему удовольствию, молодому казанскому профессору Эрвину Гримму, которого назначили на место популярного профессора, специалиста по истории средних веков И. М. Гревса. Едва завидев в «коридоре» предмет нашего презрения, мы начинали улюлюкать и, войдя вслед за ним в аудиторию, поднимали шум, в котором тонули его слова. Время от времени появлялся кто-нибудь из администрации и удалял из аудитории нескольких нарушителей порядка. Эта кампания продолжалась до тех пор, пока всем не надоело, и только тогда был восстановлен мир.

По Университетскому уставу 1884 года студентам было запрещено создавать какие-либо организации, даже самые безобидные неполитические студенческие ассоциации и клубы. Коль скоро были закрыты все возможности легальной коллективной деятельности, она велась нелегально. Самыми большими студенческими обществами стали землячества, объединявшие студентов, приехавших из одних и тех же мест. Землячества были основными центрами студенческой активности – на них запрет никогда не распространялся. В первые годы обучения в университете землячество студентов из Ташкента было для меня как дом родной, я был даже избран в его совет. Своей главной задачей наше землячество, как и другие, ему подобные, считало оказание помощи малоимущим студентам и поддержание контактов между землячками. Наряду с другими мероприятиями мы устраивали благотворительные концерты, в которых нередко принимали участие известные актеры и певцы. Не однажды мне доводилось обращаться к таким знаменитостям, как Мария Савина, Вера Комиссаржевская и Н. Н. Ходотов, и я ни разу не получил отказа.

Моя сестра, студентка-медичка, жила в привилегированном женском общежитии, где тоже устраивались благотворительные концерты и приглашались актеры и писатели. На одном из первых литературных вечеров, где я присутствовал, свои произведения читали такие известные писатели, как Д. С. Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус. Каждое землячество занималось также просветительской деятельностью, создавая библиотеки, содействуя книжному обмену и так далее.

Одним из зачинателей московского землячества, возникшего в 1887 году, был В. А. Маклаков. Землячество москвичей стало во главе «борьбы с беззаконием и произволом» специально назначенных университетских инспекторов. Его центральный орган, известный под названием Объединенный совет, стал руководить всем студенческим движением. Большинство студентов склонялось к народничеству, но поскольку к тому времени еще не сформировались какие-либо политические партии, старшекурсники были в основном привержены общим идеям свободы, не всегда четко сформулированным. Однако всех нас объединяло полное неприятие абсолютизма.

Марксисты (социал-демократы) пропагандировали свою, «экономическую» доктрину, которая предусматривала отказ от союза с буржуазными и мелкобуржуазными студенческими организациями и призывала к сосредоточению всех усилий во имя достижения победы промышленного пролетариата. Однако подобные идеи почти не нашли последователей среди студентов. Для большинства из нас, россиян, ставка только на промышленный пролетариат и полное игнорирование крестьянства было совершенным абсурдом. И даже помимо такого отношения к крестьянству марксизм отталкивал меня органически присущим ему материализмом и подходом к социализму как к учению лишь одного класса – пролетариата. Согласно марксизму, классовая принадлежность полностью поглощала сущность человека. Но без человека, без личности, индивидуальной и неповторимой, без идеи о необходимости освобождения человека как этической и философской цели исторического процесса – что же тогда оставалось от великой русской идеи? В таком случае пришлось бы стереть из памяти и традиции нашей литературы. И тем не менее весьма большие средства студенческой «центральной кассы» находились в руках марксистов.

Социал-демократическими лидерами в среде студенчества были Г. С. Хрусталева-Носарь, будущий председатель Совета рабочих депутатов (в 1905 году), и будущий издатель «Мира Божьего» Николай Иорданский. При активной поддержке некоторых студентов Иорданский играл ведущую роль на переговорах с председателем комиссии по расследованию причин студенческих беспорядков – генералом П. С. Ванновским. Иорданский, как он рассказывал мне позднее, одним из первых среди социал-демократов выступил против «экономизма». Как известно, против «экономизма» выступал и Ленин.

Борьба между социалистическими группировками в стенах университета отражала резкое противостояние двух систем общественного и экономического мышления в среде радикальной интеллигенции. Позднее именно это обстоятельство сыграло исключительно важную роль в революции 1917 года.

* * *

На третьем и четвертом курсах юридического факультета занятия мои шли вполне удовлетворительно, однако политические события в России, становившиеся все более бурными, тянули меня совсем в другую сторону. Я готовился к академической карьере, надеясь после окончания университета посвятить себя научной работе в области уголовного права. Но в глубине души я уже тогда понимал, что этому не суждено исполниться и что мое место среди тех, кто борется с самодержавием, ибо я был твердо убежден, что ради спасения Родины необходимо как можно скорее добиться принятия конституции. Не социологические доктрины порождали революционное движение в стране. Мы вступали в ряды революционеров не в результате того, что подпольно изучали запрещенные идеи. На революционную борьбу нас толкал сам режим.

Чем больше я размышлял о судьбах России, тем отчетливее осознавал, что в бедах ее повинно не правительство, а верховная власть. Моя точка зрения нашла подтверждение после революции, когда было опубликовано множество документов, мемуаров, сообщений высокопоставленных чиновников и людей, близких к императорской семье. В те дни доступ к таким документам был, конечно, закрыт, и для определения источника зла мне приходилось полагаться на собственный здравый смысл и интуицию. Но проходившие в стране события снова подтвердили мою правоту.

Резкое ограничение свобод в Финляндии породило чувство горечи и глубокое недовольство среди законопослушных и лояльных финнов. По праву и справедливости верховной власти надлежало проявлять заботу о всех народах, населявших империю. Вместо русификации нерусских народов глава верховной власти великой разноплеменной империи должен был бы прилагать все усилия для сплочения и единения всей страны.

Неразумная политика русских властей нашла типичное воплощение на Кавказе в попытках конфисковать собственность Армянской церкви в духовном центре армян Эчмиадзине. Царь остался глух к просьбам католикоса, который дважды обращался к нему с призывом остановить уничтожение армянского народа. Ответа не последовало.

На пост министра внутренних дел вместо убитого Сипягина был назначен Вячеслав Константинович Плеве, воинственный и безжалостный реакционер, который вызывал ненависть даже в правительственных кругах. Вскоре после этого назначения в Кишиневе в пасхальный день (6 апреля 1902 года) состоялась массовая резня евреев. В личном письме царю Витте писал: «Господь Бог поможет нам лишь в том случае, если царь России будет представлять одно, единое государство». Николай II не внял этому предупреждению.

В 1901 году власти провели несколько карательных операций в Полтавской и Харьковской губерниях; подверглись телесным наказаниям сотни крестьян, которые после неурожая 1901 года и последовавшего за ним голода отобрали часть зерна у богатейших помещиков. Поначалу толпы крестьян собирались у помещичьих домов с просьбой выдать им бесплатно зерно и фураж для скота, в чем им было отказано. Спустя несколько недель к поместьям потянулись вереницы крестьянских подвод. Сбив амбарные замки, крестьяне погрузили на подводы столь необходимые им зерно и фураж и уехали. Волнения прокатились и по другим сельскохозяйственным районам.

Вскоре после начала крестьянских беспорядков царь присутствовал на военных маневрах, а также на церемонии открытия памятника Александру III в Курске. После завершения

церемонии царь встретился на устроенном им под открытым небом приеме с предводителями дворянства всех южных губерний и земств, с волостными и деревенскими старшинами. Обратившись поначалу к представителям помещиков, царь одобрительно заметил: «Мой незабвенный отец, претворяя в жизнь замечательные начинания моего деда, призвал вас вести за собой крестьянство. Вы служили мне верой и правдой. Позвольте поблагодарить вас за эту службу». И обратившись к земцам, сказал наставительно: «Помните, ваш главный долг – обеспечить на местах развитие сельского хозяйства». Когда же очередь дошла до представителей крестьян, в его голосе зазвучал металл: «Этой весной крестьяне разграбили поместья в Полтавской и Харьковской губерниях. Виновные понесут наказание, и, надеюсь, власти не допустят новых беспорядков. Позвольте напомнить вам слова моего покойного отца, с которыми он обратился в Москве по случаю коронации к волостным старшинам: «Слушайтесь во всем наших славных предводителей дворянства и не верьте злонамеренным слухам». Запомните, что нельзя разбогатеть за счет грабежа чужой собственности. Только честный и упорный труд, бережливость и следование Божьим заветам принесут вам благо. Передайте вашим односельчанам все, что я сказал, и скажите им, что я никогда не оставлю их».

Призывать крестьян в начале двадцатого века повиноваться предводителям дворянства было в высшей степени наивно. Это показывает, насколько плохо знал царь страну, которой был призван управлять. Для царя именно дворянство представлялось воплощением всей политической власти и экономического могущества, хотя к тому времени оно перестало играть какую-либо самостоятельную роль и в политической, и в экономической жизни страны. В этом и объяснение того, почему царь принял сторону Плеве, отстаивавшего привилегии дворянства, и почему он сделал Плеве преемником Витте.

Осознав все это, я пришел к выводу, что по вине верховной власти Россию ждут великие беды и испытания.

Вступление

Должно сказать, что всякий, кто предается размышлениям о своей стране, представляет ее судьбу по-своему, такой, какой хотел бы ее видеть. В молодости у меня тоже сложилось свое собственное представление о России, которое не имело ничего общего ни с ее настоящим, ни с ее прошлым, но, как я верил, всей логикой истории должно обязательно реализоваться в будущем.

Читая еще в школьные годы труды английского историка Бокля, я понял, что развитие страны зависит не только от устремлений ее народа, но и от географического положения в истории. Так, народ Великобритании, отрезанной от остальной Европы и в течение почти тысячи лет не знавшей иностранного нашествия, получил возможность сравнительно свободного развития. Россия, понял я, была антиподом Великобритании, и в результате история ее оказалась трагичной. Россия была жертвой постоянных нападений, сначала номадов Азии, потом Литвы, Тевтонского ордена, Польши, Швеции и Турции. И хотя это замедлило ее политическое развитие, но в то же время укрепило чувство национального единения. И, несмотря на междоусобицы князей из рода Рюриковичей, это чувство сохранилось, – вот почему движимые им жители разных княжеств инстинктивно сплотились вокруг Москвы.

Огромную роль в развитии русского национального самосознания играла церковь. Поскольку Россия была полностью лишена возможности создать по примеру Запада светскую культуру, она обратилась вместо этого к культуре церковной, к евангельским проповедям и их толкованиям. Крайне важно при этом то, что русские с самого начала восприняли учение Христа на языке, который они понимали. И вследствие этого идеи, которые с трудом пробивали себе путь на Западе, в России сразу же пустили глубокие корни. Напрашивается параллель между поступком Феодосия Печерского, выходца из знатной боярской семьи, который, отказавшись от всех социальных привилегий, посвятил свою жизнь служению бедным и страждущим, и «хождением в народ» в XIX веке; или между русскими святыми Борисом и Глебом, которые во имя Христа отказались защищаться от убийц, подосланных их братом, князем Святополком, и Львом Толстым с его проповедью непротивления злу насилием; или, наконец, между решительным осуждением еще в XII веке Владимиром Мономахом смертной казни и публичным обращением Владимира Соловьева к Александру III с призывом отказаться от казни убийц Александра II – и не потому вовсе, что он испытывал к ним какие-либо симпатии, а потому, что считал, что новому царю следует продемонстрировать благодать православия, подтвердив тем самым величие христианского монарха, который, имея власть наказывать, выбирает путь всепрощения.

В таком подходе были и свои минусы, и свои плюсы. Его недостаток заключался в том, что, культивируя лишь стремление к богатству и равенству, Россия не смогла выработать стремления к правовому обществу.

На деле именно в этой духовной традиции коренилось враждебное отношение значительной части русской интеллигенции XIX века (особенно славянофилов и народников) к власти государства.

Чтобы понять историю России, крайне важно помнить слова Достоевского, сказавшего, что о России следует судить не по злодеяниям, совершенным во имя ее, а по идеалам и целям, за которые боролся русский народ.

Русские всегда стремились принимать участие в управлении страной. Хорошо известно, что и в Древней Руси, и в России Киева, Пскова и Новгорода существовала система управления с развитым для того времени понятием свободы, в рамках которой жизненно важную роль играло народное представительство (вече). В одной из своих эпических поэм великий поэт и личный друг Александра II А. К. Толстой описал падение Новгородской республики. Напом-

нив о том, что колокол, созывавший народ на вече, был увезен в Москву, он вкладывает в уста князя Владимира Киевского здравицу за древнее русское вече, за свободу и честь славян, за новгородский колокол, который хотя и валяется в грязи, но призыв его звучит в сердцах наследников.

Еще один пример – первый Земский собор при Иване Грозном, который в молодости решительно осуждал систему управления и социального устройства и предоставил сельскому и городскому населению право самоуправления.

Идея демократии продолжала свое развитие и в Смутное время, и на протяжении всего XVIII века. Это была главная линия, ибо того желал народ.

В Смутное время бояре предложили польскому претенденту на московский трон заключить договор, по которому запрещались бы незаконные аресты и пытки, казни без суда и другие акты произвола, а также предусматривалось, что законодательную власть он будет разделять с боярами и Земским собором. Ранее такие же условия были предъявлены князю Шуйскому перед избранием его на трон после падения Годуновых. И если во Франции Генеральные Штаты не созывались с начала правления малолетнего Людовика XIII до самой Французской революции (с 1614 по 1789 год), то в Московии цари правили совместно с Земским собором вплоть до смерти отца Петра Великого. После поездки по странам Европы Петр ввел в России ту же, общеевропейскую, систему просвещенного абсолютизма, но лишь через пять лет после смерти Петра императрица Анна, вступая на престол, согласилась с требованием Верховного тайного совета ввести некоторые «элементы» конституционного правления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.